

Глава 8

Из всей их честной компании Ван Ба выделялся самыми откровенными разбойничьими замашками. Стоило ему увидеть это слащавое кривлянье Чжао Юя, как он тут же сплюнул под ноги и рявкнул:

— Терпеть не могу таких лицемерных тварей. Ну-ка выкладывай, зачем крутишься возле моей шимей?! Чего задумал, ублюдок?!

— Да ты её ещё заботливо младшей сестрой кличешь! — вскипел Чжао Суй. — Раз спелась с этим выродком, значит, и сама та ещё дрянь!

Ян Чжэн нахмурилась:

— Шисюн, после твоего... твоего ухода все очень переживали. Прости меня. Это я во всем виновата, из-за меня ты теперь... в таком положении... Но почему ты связался с подобным сбродом?

Чжао Суй аж задохнулся от ярости. Он резко захлопнул веер и шагнул вперед, намереваясь проучить наглую девицу, но дорогу ему преградил Чжао Юй. Тот держался с невозмутимым изяществом. Одарив Ян Чжэн ласковой улыбкой, он протянул:

— Чжэн-мэймэй, а ты отлично разбираешься в людях. Издеваться над беззащитными смертными — у нашего третьего молодого господина Чжао поистине царский нрав.

— Заткнул бы ты пасть, праведник хренов! — огрызнулся Ван Ба. — Чжао Суй, может, и любит задирать нос, прикрываясь чужим авторитетом, но гнильцы в нем нет. Он в сто раз лучше тебя, скользкого лицемера!

Чжао Юй лишь снисходительно усмехнулся и, повернувшись к девушке, мягко произнес:

— Чжэн-мэй, давай поскорее закончим расспросы и уберемся отсюда. В этой деревне Шичжу даже воздух какой-то зачумленный.

Ван Ба двинулся вперед, сжав кулаки, но теперь уже Чжао Суй повис на его плече:

— Брат Ван, брат Ван, остынь! Сила сейчас не на нашей стороне, не видишь, что этот гад нарочно тебя провоцирует?

— Да он сам рожу под удар подставляет! — яростно вырывался Ван Ба. — Грех упускать такую возможность, я же себе потом не прощу!

Чжао Юй презрительно фыркнул:

— Надо же, великий Бессмертный почтенный Иньмин опустился до того, что даже ничтожному Чжао Третьему уступает. И все еще хочет прийти и создать мне проблемы? Чернь всегда останется чернью. Подумаешь, везло тебе на протяжении пары десятков лет, так ты уже и забыл свое место, безродная псина?

— Да ты сам-то кто такой?! — в один голос гаркнули Ван Ба и Чжао Суй.

Обоим стало безумно любопытно, из какого провинциального театра вылез этот картонный злодей. Подобные карикатурные мажоры, начисто лишенные инстинкта самосохранения, в наши дни встречались крайне редко...

Ян Чжэн встревоженно толкнула Чжао Юя в плечо:

— Шисюн Чжао, как ты можешь такое говорить?! Если наш старший шисюн... Получается, и я в твоих глазах — лишь безродная деревенщина?

— Да у него самого родословная куда грязнее твоей, — ядовито процедил Чжао Суй. — Тоже мне, выискался тут... Да этот ублюдок даже фамилию Чжао носить не достоин!

— Достоин я или нет — рассудит время, — Чжао Юй пребывал в превосходном расположении духа. Он играючи уклонился от внезапного выпада Чжао Суя и расхохотался: — А вот тебя, Чжао Третий, скоро с треском вышвырнут из клана. Будете со своим дражайшим названным братцем парой горемычных голубков.

Лицы Ван Ба и Чжао Суя пошли пятнами всех цветов радуги. Ян Чжэн тоже уставилась на старшего шисюна круглыми от изумления глазами — надо же, в одно мгновение парень записался в любители мужской ласки.

— Ты что, следил за мной?! — взвизгнул Чжао Суй.

— Слишком много чести, — Чжао Юй небрежным жестом извлек из широкого рукава свежий свиток и швырнул его под ноги сопернику. — У Павильона Небесных Тайн уши есть в каждом городе у подножия Тайцин. Вот, полюбуйся, утренний спецвыпуск.

Оставив последнее слово за собой, Чжао Юй ласково увлек растерянную Ян Чжэн за порог усадьбы. Многочисленные прихвостни, уставившись в землю и стараясь лишний раз не дышать, чинно закрыли за ними тяжелые ворота.

Чжао Суй шагнул вперед. Прямо на первой полосе красовался огромный, переливающийся радужными цветами заголовок, щедро украшенный нарисованными бутонами: «Берем пример с Бессмертного почтенного Иньмина! По какой причине благородный наследник семьи Чжао

из Лои решился на столь дерзкий побег в объятия срезанного рукава?»

Чжао Суй с яростным хрипом наступил на свиток, превращая бумагу в грязное месиво, и резко развернулся. Ван Ба, все еще размышлявший о том, зачем сюда явилась шимей, вовремя перехватил его за локоть:

— Эй, ты куда собрался?

— Разнесу к чертям этот Павильон Небесных Тайн, — сквозь зубы прошипел Чжао Суй.

— Да брось, тебе они не по зубам, — сокрушенно вздохнул Ван Ба. — Они же первыми растреляют, что ты впал в буйство от бессильной злобы, и лишь подтвердят слухи. К тому же этот Чжао Юй — твой главный конкурент в борьбе за власть, верно?

Чжао Суй угрюмо кивнул.

— Ну так и радуйся! — ухмыльнулся Ван Ба. — Каминг-аут совершил не ты, а Чжао Юй, который принял твой облик, чтобы тебя очернить!

Чжао Суй выдал образцовый тактический откат назад, и на его лице отразилось мгновенное просветление. Он почтительно сложил ладони:

— Поразительная мудрость, шисюн Ван! Твоему уму можно лишь позавидовать! Однако просто так спустить ему все с рук я не могу — обида душит. К тому же этот мерзавец посмел оскорбить и тебя...

— Мелочи. Кто не умеет терпеть в малом, тот проиграет в великом, — Ван Ба поманил спутника пальцем и заговорщицки прошептал: — Для начала нужно выяснить, какого дьявола они забыли в этой глухомани. Я заметил, что среди челяди Чжао Юя нет ни одного заклинателя. Похоже, наша шимей попала в какую-то кабалу.

— И как у тебя только сил хватает беспокоиться о ней после всего случившегося... — проворчал Чжао Суй.

— Она ведь осталась совсем одна в чужих краях, но все же попыталась за меня заступиться, — мягко улыбнулся Ван Ба. — Без сильного покровителя и знатного происхождения у тебя просто нет права голоса. То, что она вообще осмелилась перечить этому индюку, уже подвиг.

Чжао Суй на миг замер, пораженный этими словами, но быстро справился с эмоциями. Набросив на себя заклинание невидимости, он последовал за Ван Ба к черному входу усадьбы Янов.

Семья Ян считалась местными царьками. Хотя деревня Шичжу и была богом забытой дырой, поместье Янов поражало своими размерами, а их владения раскинулись на добрые восемьдесят процентов окрестных пашен. Увы, на всякую рыбу найдется хищник покрупнее: стоило порог переступить Чжао Юю — элитарию в десятом поколении, — как вокруг поместья тут же выросли защитные барьеры. Попытка перелезть через забор гарантированно подняла бы тревогу.

Незадолго до этого деревенские прачки поведали Ван Ба, что Ян Чжэн вовсе не была родной дочерью в этой семье. Бездетные старики с окраины нашли ее младенцем в лесу, когда ходили за хворостом. В голодный год хозяева-Яны загнали несчастных супругов в могилу за долги, а девчушку забрали в усадьбу в счет уплаты. Ей повезло чуть больше остальных слуг — ее по крайней мере не забивали до полусмерти при каждой оплошности.

В пятнадцать лет, улучив момент во время осенней страды, Ян Чжэн украла у хозяев пригоршню серебра и сбежала. Семейство рвало и метало, но стоило до деревни дойти вести о том, что беглянка умудрилась поступить в великую секту Тайцин, как хозяева тут же запели иначе. Они объявили, что девица — их названная дочь, а деньги они выделили ей сами. В глазах местных жителей Ян Чжэн жила в усадьбе как у Христа за пазухой — сытая, одетая, да еще и неизбитая, о чем вообще можно было мечтать? Раз уж выбилась в люди, изволь вернуть долг за воспитание. Однако неблагодарная девка не просто не вернула долги, но и натравила на благодетелей своих шисюнов. Те, притворившись свирепыми тварями, напали на повозку на тракте, вырезав и чету Янов, и их младшего сына.

Ван Ба лишь мысленно усмехнулся: то, что шимей пощадила хотя бы старшего сына Янов, уже свидетельствовало о ее невероятном великодушии. А разговоры о «спонсорстве» и вовсе курам на смех — в секту Тайцин за взятки не берут. Сам Ван Ба в свое время пришел в Бессмертную секту Чжэнъе с парой сухих лепешек за пазухой, в то время как Чжао Суй при всем своем баснословном богатстве едва ли смог бы перешагнуть порог приличной обители. Великие ордена ценили талант, а не кошелек.

Куда больше его занимал вопрос: зачем Ян Чжэн и Чжао Юй явились сюда сейчас? Те двое «шисюнов», когда резали хозяев, намеренно оставили подсказки, указывающие на месть Ян Чжэн. Выживший старший брат перепугался до полусмерти, с тех пор вел себя тише воды, ниже травы, раздавал милостыню соседям и замаливал грехи перед алтарем. Смерть такого ничтожества никого бы не взволновала. Зачем здесь копать?

Обойдя глухую стену усадьбы, Ван Ба без труда отыскал неприметную калитку для слуг. Приложив ухо к дереву и убедившись, что по ту сторону тихо, он извлек из рукава осколок камня Люсин, вытянул его в тончайшую нить и ловко вскрыл замок. Скользнув внутрь, они оказались на заднем дворе.

Задворки усадьбы предназначались для челяди и хозяйственных нужд. Вся прислуга нашлась в одной из каморок — бедняги спали глубоким, беспробудным сном. Очевидно, господа не хотели, чтобы смертные путались под ногами.

Убедившись, что жизни смертных ничего не угрожает, Ван Ба на всякий случай наложил на

каморку защитное заклинание — если начнется заварушка, шальные искры их не заденут. Он уже собирался уходить, как вдруг удивленно хмыкнул и резко свернул к пристройке, где располагалась кухня.

— Что там, шисюн Ван? — шепотом поинтересовался Чжао Суй.

— Там кто-то есть, — одобрительно хмыкнул Ван Ба. — Причем парень не промах: догадался замаскировать запах собственной крови вонью забитого скота.

Чжао Суй сразу сообразил, что на кухне затаился беглый раненый практик.

— И Чжао Юй со своими ищейками его упустили? — недоуменно нахмурился он.

— Когда мы стояли у ворот, я уловил легкое колебание энергии на заднем дворе, — пояснил Ван Ба. — Думал, обычный часовой, а оно вон как обернулось.

С этими словами он проскользнул в темное помещение кухни и присел перед лежащим на земляном полу юношей.

Незнакомец лежал ничком. Растрепанные черные волосы слиплись от крови и грязи, но сквозь корку запекшейся юшки угадывались благородные, резкие черты лица. Его защитные артефакты были разнесены в щепки, хотя даже по обломкам угадывалась их баснословная стоимость. Чтобы не выдавать себя звуками дыхания, раненый пустил духовную силу по малому кругу циркуляции. Его правая рука бессильно соскользнула с рукояти меча, зато левая мертвой хваткой сжимала диковинную лампу, сработанную в стиле мастеров Западного континента.

Почувствовав чужое присутствие, незнакомец слабо вздрогнул. Поняв, что скрываться бесполезно, он с трудом приоткрыл веки, уставившись на вошедших с отчаянной, предсмертной яростью. Но стоило ему разглядеть лицо Ван Ба, как гнев мгновенно сменился изумлением, а затем — робкой надеждой. Вместе с хриплым шепотом у него с губ сорвался сгусток темной крови:

— Бессмертный... почтенный Иньмин?!

Ван Ба опешил:

— Мы знакомы?

Достижение уровня Бессмертного почтенного кардинально меняло законы бытия: ни одно смертное зеркало или артефакт фиксации не могли запечатлеть истинный облик культиватора такого ранга. Простые смертные и рядовые практики, не знавшие Ван Ба лично, видели лишь размытый образ. Чжао Суй в свое время вызнал его черты по старым хроникам и долго юлил,

доказывая, что когда-то видел его мельком. А этот-то откуда взялся?

Раненый, не теряя драгоценных мгновений, сунул диковинную лампу прямо в руки Ван Ба и прохрипел, угасая на глазах:

— Секта... Тайцин... Фее Фуяо... Передай... Спасибо...

Благородный красавец с чистой совестью спихнул свои заботы на первого встречного Бессмертного почтенного и благополучно отключился с выражением полного умиротворения на лице.

— Эй, приятель! — запаниковал Ван Ба. — Погоди подышать, объясни толком!

Работать бесплатным курьером Ван Ба не нанимался. К тому же, если его зрение не врало, из-под лохмотьев незнакомца торчал стебель Бессмертного Возвращающегося Ветра — редчайшей травки с выдержкой в восемьдесят тысяч лет, которую глава Тайцин, старый хрыч Сюй Пинчэнь, холил и лелеял в своем личном саду как зеницу ока. Сам Ван Ба не решился на такое святотатство, а этот юнец провернул все без лишнего шума!

Сюй Пинчэнь, владыка Тайцин, величаемый Бессмертным почтенным Угоу, приходился родителем тому самому несчастному наследнику, которого когда-то лишили возможности продолжать род. Он обрел статус владыки еще до того, как Ван Ба вообще появился на свет. Вечно прикидывался добродушным старцем, дергая за ниточки из тени, пока этот болван Вэнь Цанхай орал на передовой, и регулярно вставлял палки в колеса Бессмертной секте Чжэнье.

Ван Ба лихорадочно перебирал в уме всех знакомых безумцев, но так и не смог вспомнить, у кого из молодых дарований хватило бы наглости обокрасть самого Сюй Пинчэня. Сам-то Ван Ба покушался лишь на сокровища его сына! И если память ему не изменяла, Фея Фуяо была любимой сестрицей Вэнь Цанхая. Как этот бродяга умудрился охмурить и ее?

Из чистого уважения к столь выдающемуся безумству Ван Ба не стал грабить беззащитное тело. Вместо этого он вложил парню в рот целебную пилюлю, укрыл его маскирующим заклинанием и, строго-настрого велел Чжао Сую держать язык за зубами, направился к парадному крылу усадьбы.

На обратном пути они то и дело разминались со стражниками Чжао Юя, но те скользили взглядами мимо, словно сквозь пустое место. Чжао Суй безмолвно благоговел перед мастерством старшего брата. Сам же Ван Ба поймал себя на высокомерной мысли в духе «эх вы, деревенщина...», но тут же тряхнул головой, отгоняя недостойные помыслы.

Пересекая просторный сад, Ван Ба как бы невзначай вздохнул:

— М-да, эти Яны устроились куда шикарнее, чем я на своем Пике Динъюань. Умеют же люди

жить, чтоб их черти драли.

Инь Сянь, скрывавшийся под личиной Чжао Суя, едва сдержал судорожный вздох.

«Ишь как запричитал! — мысленно скривился он. — И у кого только язык поворачивается так нагло жаловаться на судьбу? Ты на своем Пике Динъюань дай бог раз в год появляешься, тебя оттуда давно пора выписать за прогулы, не будь у тебя статуса Бессмертного почтенного. Гостей принимать тащишься ко мне, жрать на халяву — тоже ко мне, а медитировать бежишь в Бессмертную обитель Пурпурного Облака! На кой тебе сдались хоромы на Пике Динъюань?»

Вслух же Чжао Суй возмущенно пробормотал:

— Шисюн Ван столько сил отдал на благо ордена, а они так пренебрегают твоим удобством! Даже без этой истории с Ян Чжэн их отношение — чистейшей воды неблагодарность. И это ничтожество еще смеет называть себя праведным заклинателем!

— Попридержи язык! — Ван Ба напустил на себя суровый вид. — Я ведь просто к слову припомнил. Истинному практику негоже отвлекаться на мирскую мишуру. Все, тихо. Давай послушаем, о чем они толкуют.

Чжао Суй с обиженным видом умолк и нервно обмахивался веером, будто пытаясь унять клокочущую внутри ярость.

На мощеной площадке посреди сада Чжао Юй вел неспешную беседу с Ян Чжэн. Место было выбрано идеально — отсюда открывался обзор на все стороны, что исключало возможность подслушивания со стороны слуг гораздо надежнее, чем любые закрытые двери.

Первые фразы Чжао Юя они упустили. Застали лишь момент, когда на его лице заиграла притворная мягкая улыбка, а Ян Чжэн с искренним недоумением воскликнула:

— Шисюн Чжао... Я совершенно тебя не понимаю! Я — Ян Чжэн. Раньше я состояла в секте Тайцин, теперь же мне посчастливилось стать ученицей Бессмертной почтенной Чжэньхай. Кем еще, по-твоему, я могу быть?!

Чжао Юй снисходительно усмехнулся и елеиным голоском произнес:

— О почтенная предшественница, к чему эти детские игры? Я ведь не чета тем невежественным глупцам. У меня нет предвзятости касательно твоего происхождения или секретных практик, которыми ты владеешь. Позволь же нам объединить усилия ради общей выгоды.

— А? Какая еще предшественница? — Ян Чжэн захлопала ресницами, окончательно растерявшись.

В голове у Ван Ба мгновенно все встало на свои места. Оказывается, этот придурок Чжао Юй всерьез подозревал, что Ян Чжэн — это чье-то переродившееся второе зарождающееся тело, сосуд для души какого-нибудь древнего мастера.

Несколько веков назад, когда мир начал понемногу протрезвевать от древних догм, женщины-практики стали активно заявлять о себе. Осознав, в какой беспросветной кабале они находились веками, наиболее решительные из них вознамерились исправить ситуацию для будущих поколений. Возникла амбициозная и дерзкая теория: традиционный путь закалки Золотого Ядра и взращивания Зарождающейся Души отнимает слишком много бесценных лет. Время не ждет, да и патриархальные старцы в любой момент могут перекрыть кислород. Так почему бы не обойти условности? Заклинательницы предложили революционную методику: модифицировать духовные каналы и задействовать ресурсы лона, чтобы напрямую взрастить в себе вторую Зарождающуюся Душу. Пусть ее качество уступало бы каноническому, зато это давало стремительный рывок в силе.

Идея мгновенно подверглась осмеянию со стороны патриархов всех мастей. Однако две основательницы движения решили доказать правоту на собственном примере — и действительно явили миру вторые Зарождающиеся Души, обретя колоссальную мощь. Окрыленные успехом, они начали вербовать последовательниц. То ли секретные техники и впрямь оказались гениальными, то ли женщины так отчаянно жаждали независимости и не жалели сил, но всего за три года их тайное общество разрослось до невероятных масштабов. Они действовали по проверенной схеме: начали с деревень, здраво рассудив, что бесправные крестьянки, уставшие от вечного гнета, станут идеальным материалом для быстройковки новых кадров.

Замысел был красив: заявить о себе через реальную силу и тем самым заставить ордену признать свое право на существование. Но женщины упустили из виду одну простую истину: когда у мужчин заканчиваются логические аргументы, они попросту перестают слушать. Попытка вызволить несчастных из пучины угнетения провалилась из-за самих же угнетателей. Разъяренные хозяева жизни сплотились и бросились жаловаться великим кланам на то, что их жены, матери и дочери примкнули к богомерзкой секте, бросили домашние очаги и круглые сутки обсуждают модификацию срамных мест. Разве может приличная организация заниматься подобным непотребством?! Крупные ордена, не желавшие делиться пирогом власти и до смерти боявшиеся, что эта альтернативная методика потеснит признанную классику, с радостью объявили крестовый поход против «еретичек».

С тех пор утекло немало воды, и сейчас уже никто не разберет, действительно ли те практики граничили с демонизмом, или они просто подрывали основы священного патриархата. Последовательниц учения истребили подчистую, а «праведные ордена» вроде Тайцин использовали этот прецедент как повод закрутить гайки. Отныне всем ученицам предписывалось тратить львиную долю драгоценного времени, необходимого для Возведения Основания, на обязательные лекции по женской добродетели.

Так вот, если Чжао Юй верил, что Ян Чжэн — это сосуд для мстительной души выжившей «еретички», то бесконечные издевательства и травля со стороны Дацин обретали логику. Пока девчонка была слаба и беззащитна, ее держали под рукой ради забавы, но стоило ей сбежать и заручиться поддержкой Бессмертного почтенного, как вчерашние преследователи немедленно засуетились, вознамерившись смешать ее имя с грязью и изничтожить, пока она не набрала

полную силу.

Вот только на самом деле Ян Чжэн была самым обычным, экологически чистым и невероятно одаренным самородком.

Ван Ба почувствовал жгучее разочарование. Прикормил, называется, рыбное место, а на крючок попался этот доморощенный аналитик Чжао Юй. Судя по всему, этот прихвостень Тайцин смекнул, что силой Ян Чжэн теперь не взять, и решил уничтожить ее репутацию через прессу. Если повезет, он еще и подстрекнет праведных зануд на карательный поход против Бессмертной секты Чжэнье — ведь их собственная глава секты женского пола, а значит, заведомо склонна к подобным крамольным замыслам...

В свое время секта Дацин не просто возглавила карательную операцию, но и нехило нагрела руки на чужом несчастье. Когда Бессмертная секта Чжэнье подверглась резне, несколько наставников Ван Ба находились далеко за пределами обители, но их все равно выследили и ликвидировали. Но все это дела минувших дней. Ван Ба же отчаянно пытался нащупать след той самой таинственной силы, что стерла его родной дом с лица земли.

В последние годы, благодаря возрождению Бессмертной секты Чжэнье, жизнь заклинательниц во всем мире стала значительно проще — в конце концов, если их не жаловали в одном месте, всегда можно было уйти туда, где ценили талант. Инь Сянь, забирая Ян Чжэн под свое крыло, даже не думал о скрытых заговорах. Он просто решил, что старые псы из Тайцин опять взялись за любимое дело — притеснение слабого пола. Наживкой для тайных врагов должен был послужить сам Ван Ба в роли жалкого, всеми покинутого бродяги, а вовсе не его шимей.

Чжао Юй сиял снисходительно-покровительственным видом, словно говоря: «Ох, старейшина, прекрати ломать комедию, я же все равно тебя насквозь вижу». Ян Чжэн же выглядела до глубины души оскорбленной: «Понятия не имею, о чем ты бредишь, но сама мысль, что ты сблизился со мной ради корысти, мне противна!»

Оба замерли, упрямо меряясь взглядами.

Потеряв всякий интерес к этой пантомиме, Ван Ба похлопал Чжао Суя по плечу и сочувственно вздохнул:

— Да у твоего соперника в голове опилки. Считаю, победа у тебя в кармане.

Чжао Суй ослабился:

— Надо же, притворялся гением интриг, а на поверку оказался обычным пустозвоном.

Они бесшумно скользнули обратно во внутренний двор. Как и ожидал Ван Ба, тяжелораненый красавец уже испарился. Чжао Суй предложил немедленно вернуться в город и нанести визит

в Павильон Небесных Тайн — у него в голове уже зрел план по выпуску десятка скандальных разоблачений в адрес Чжао Юя. Однако Ван Ба велел ему обождать. Юркнув в спальню уцелевшего наследника семьи Ян, он извлек короткий кинжал и ловким, отточенным движением кисти провел молниеносную операцию по лишению того мужской силы. Один взмах лезвия — и род Янов на этом официально пресекся.

Под онемевшим от потрясения взглядом Чжао Суя Ван Ба дружески похлопал ошалевшего от боли, но лишенного возможности закричать из-за безмолвного проклятия бедолагу по щеке.

— Обещал отомстить за шимей — значит, отомстил, — широко улыбнулся он. — Я, Ван Ба, уже сотню лет хожу под этим небом, и мое слово тверже кремня. Честь превыше всего!

Ну а как иначе? Мужская гордость — штука дорогая. Этот недоносок лишился всего лишь жалкой плоти, а на кону стояло честное имя великого Бессмертного почтенного!

Чжао Суй проникся глубочайшим почтением и уже открыл рот, чтобы воспеть величие духа своего соратника, как вдруг земля ушла у них из-под ног. Пространство содрогнулось, и величественный, заунывный звон колокола, словно исходивший из самых глубин мироздания, раскатился по небесному своду.

Грандиозная формация, накрывшая собой весь регион Юянь, с гулом устремилась ввысь. Колонны первозданного света и непроницаемые барьеры пронзили облака, разделив на изолированные сектора города, леса, равнины и горные цепи. Даже мелкие секты оказались в ловушке. Из недр обители Тайцин, подобно потревоженному рою шершней, хлынули легионы практиков. А следом над миром загрохотал раскатистый, лишенный эмоций голос:

— Бывший старший ученик секты Тайцин, Сяо Ба, неоднократно нарушил священные запреты и совершил тягчайший грех, похитив божественное снадобье ордена! Всякого, кто окажет содействие в поимке беглеца, ждет щедрая награда! Тех же, кто посмеет укрыть преступника, ждет казнь трех поколений рода!

<http://bllate.org/book/19845/1986215>